

М. ВОЛОШИН

ДЕМОНЫ

ГЛУХОНЕМЫЕ

FLEGON PRESS

МАКСИМИЛИАН ВОЛОШИН

ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ

II издание

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО ПИСАТЕЛЕЙ
В БЕРЛИНЕ
1 9 2 3

*Книга отпечатана
в тысяча девятьсот
двадцать третьем
году в типографии
Шпеер и Шмидт
в Берлине, Риттер-
штрассе 22.*

ОБЛОЖКА РАБОТЫ ХУД. ИВ. ПУНИ

ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ

**«Одни зарницы огневые,
Воспламеняясь чередой,
Как демоны глухонемые
Ведут беседу меж собой».**

Тютчев

ДЕМОНЫ ГЛУХОНЕМЫЕ

„Кто так слеп как раб мой? и глух
как вестник мой мною посланный?“

Исайя 42, 19.

Они проходят по земле
Слепые и глухонемые
И чертят знаки огневые
В распахивающейся мгле.

Собою бездны озаряя,
Они не видят ничего,
Они творят, не постигая
Предназначенья своего.

Сквозь дымный сумрак преисподней
Они кидают вещий луч...
Их судьбы — это лик Господний,
Во мраке явленный из туч.

29 декабря 1917.

А Н Г Е Л М Щ Е Н И Я

**«Выпросил у Бога светлую Россию Сатана,
Да очервленит ю кровью мученической».**

Протопоп Аввакум.

I. ПРЕДВЕСТИЯ

(190 г)

Сознание строгое есть в жестах Немезиды:
Умей читать условные черты:
Пред тем, как сбылись Мартовские Иды,
Гудели в храмах медные щиты...

Священный занавес был в скинии распорот:
В часы Голгоф трепещет смутный мир...
О, бронзовый Гигант! ты создал призрак-город,
Как призрак дерево из семени — факир.

В багряных свитках зимнего тумана
Нам солнце гневное явило лик втройне,
И каждый диск сочился точно рана...
И выступила кровь на снежной пелене.

А ночью по пустым и гулким перекресткам
Струились шелесты невидимых шагов,
И город весь дрожал далеким отголоском
Во чреве времени шумящих голосов...

Уж занавес дрожит перед началом драмы,
Уж кто то в темноте — всезрячий, как сова,
Чертит круги и строит пентограммы,
И шепчет вещие заклатья и слова.

9 января 1905 г.
С. Петербург.

II. АНГЕЛ МЩЕНЬЯ

(1906 г.)

Народу Русскому: Я скорбный Ангел Мщенья!
Я в раны черные — в распахнутую новь
Кидаю семена. Прошли века терпенья.
И голос мой — набат. Хоругвь моя, — как кровь.
На буйных очагах народного витийства,
Как призраки, взрощу багряные цветы.
Я в сердце девушки вложу восторг убийства
И в душу детскую — кровавые мечты.
И дух возлюбит смерть, возлюбит крови алость.
Я грезы счастья слезами затоплю.
Из сердца женщины святую выну жалость
И тусклой яростью ей очи ослеплю,
О, камни мостовых, которых лишь однажды
Коснулась кровь! я ведаю ваш счет.
Я камни заклянута заклатьем вечной жажды,
И кровь за кровь без меры потечет.
Скажи восставшему: Я злую едкость стали
Придам в твоих руках картонному мечу!
На стогнах городов, где женщин истязали,
Я «знаки Рыб» на стенах начерчу.
Я синим пламенем пройду в душе народа.
Я красным пламенем пройду по городам.
Устами каждого восклину я «свобода!»,
Но разный смысл для каждого придам.
Я напишу: «Завет мой — Справедливость!»
И враг прочтет: «Пощады больше нет»...
Убийству я придам манящую красоту.
И в душу мстителя вопьется страстный бред.

Меч справедливости — карающий и мстящий —
Отдам во власть толпе. И он в руках слепца
Сверкнет стремительный, как молния разящий —
Им сын заколет мать, им дочь убьет отца.
Я каждому скажу: «Тебе ключи надежды.
Один ты видишь свет. Для прочих он потух».
И будет он рыдать, и в горе рвать одежды,
И звать других.. Но каждый будет глух.
Не сеятель сберет колючий колос сева.
Принявший меч погибнет от меча.
Кто раз испил хмельной отравы гнева,
Тот станет палачем иль жертвой палача.

1906 г. Паржи

III. РОССИЯ

(1915 г.)

Враждующих скорбный гений
Братским вяжем узлом,
И зло в тесноте сражений
Побеждается горшим злом.

Взвивается стяг победный...
Что в том, Россия, тебе? —
Пребудь смиренной и бедной —
Верной своей судьбе.

Люблю тебя побежденной,
Поруганной и в пыли,
Таинственно освещенной
Всей красотой земли

Люблю тебя в лике рабьем,
Когда в тишине полей
Причитаешь голосом бабьим
Над трупами сыновей.

Как сердце никнет и блещет,
Когда, связав по ногам,
На отмашь хозяин хлещет
Тебя по кротким глазам.

Сильна ты нездешней мерой,
Нездешной страстью чиста,
Неутоленной верой
Твои запеклись уста.

**Дай слов за тебя молиться,
Понять твоё бытие,
Твоей тоске причаститься,
Сгореть во имя твоё.**

17 августа 1915 г. Биарриц.

IV. МОСКВА

(Март 1917 г.)

В. А. Рагозинскому

**В Москве на Красной площади
Толпа черным черна.
Гудит от тяжелой поступи
Кремлевская стена.**

**На рву у места Лобного —
У церкви Покрова
Возносят неподобные
Не русские слова.**

**Ни свечи не засвечены,
К обедне не звонят,
Все груди красным мечены,
И плещет красный плат.**

**По грязи ноги хлипают,
Молчат... проходят... ждут...
На папертях слепцы поют
Про кровь, про казнь, про суд.**

V. ПЕТРОГРАД

Сергею Эфрону

Как злой шаман, гася сознание
Под бубна мерное бряцанье,
И споражнивая дух,
Распахивает дверь разрух, —
И духи мерзости и блуда
Стремглав кидаются на зов,
Вопя на сотни голосов,
Творя бессмысленные чуда, —
И враг что друг и друг что враг —
Меречат и двоятся... — так,
Сквозь пустоту державной воли,
Когда то собранной Петром,
Вся нежить хлынула в сей дом
И на зияющем престоле,
Над зыбким мороком болот
Бесовский правит хоровод.
Народ безумием об'ятый
О камни бьется головой
И узы рвет, как бесноватый...
Да не смутится сей игрой
Строитель внутреннего Града —
Те бесы шумны и быстры:
Они вошли в свиное стадо
И в бездну ринутся с горы.

9 декабря 1917 г.
Коктебель.

VI. ТРИХИНЫ

„Появились новые трихины“. -
Ө. Достоевский

Исполнилось пророчество: трихины
В тела и в дух вселяются людей,
И каждый мнит, что нет его правей.
Ремесла, земледелие, машины
Оставлены. Народы, племена
Безумствуют, кричат, идут полками,
Но армии себя терзают сами,
Казнят и жгут — мор, голод и война.
Ваятель душ, воззавший к жизни племя
Страстных глубин, провидел наше время.
Пророчественною тоской об'ят
Ты говорил томимым нашей жаждой,
Что мир спасется красотой, что каждый
За всех во всем перед всеми виноват.

10 декабря 1917 г.

VII. МИР

С Россией конечно... На последних
Ее мы прогалдели, проболтали,
Пролузгали, пропили, проплевали,
Замызгали на грязных площадях,
Распродали на улицах: не надо ль
Кому земли, республик, да свобод,
Гражданских прав? И фодину народ
Сам выволок на гноище, как падаль.
О, Господи, разверни, расточи,
Пошли на нас огонь, язвы и бичи.
Германцев с запада, Монгол с востока,
Отдай нас в рабство вновь и навсегда,
Чтоб искупить смиренно и глубоко
Иудин грех до Страшного Суда!

23 ноября 1917 г. Коктебель.

VIII. ИЗ БЕЗДНЫ

А. А. Новинскому

Полночные вздулись воды,
И ярость взметенных толп
Шатает имперский столп
И древние рушит своды.
Ни выхода, ни огня. .
Времен исполнилась мера.
Отчего же такая вера
Переполняет меня?
Для разума нет исхода.
Но дух ему вопреки
И в бездне чует ростки
Неведомого восхода.
Пусть бесы земных разрух
Клубятся смерчем огромным —
Ах, в самом косном и темном
Пленен мировой дух!
Бичами страстей гонимы —
Распятые серафимы
Заточены в плоть:
Их жалит горящим жалом,
Торопит гореть Господь.
Я вижу в большом и в малом
Водовороты комет. . .
Из бездны — со дня паденья
Благославляю цветенье
Твое — всестрастной свет!

15 января 1918 г.

IX. РУСЬ ГЛУХОНЕМАЯ

Был к Иисусу приведен
Родными отрок бесноватый:
Со скрежетом и в пене он
Валялся корчами об'ятый.
— «Изыди, дух глухонемой!» —
Сказал Господь. И демон злой
Сотряс его и с криком вышел —
И отрок понимал и слышал.
Был спор учеников о том,
Что не был им тот бес покорен,
А Он сказал:

«Сей род упорен:

Молитвой только и постом
Его природа одолима.»

Не тем же ль духом одержима
Ты, Русь глухонемая! Бес,
Украд твой разум и свободу,
Тебя кидает в огонь и воду,
О намни бьет и гонит в лес.
И вот взываем мы: Прийди...
А избранный вдали от битв
Кует постами меч молитв
И скоро скажет: — «Бес, изыди!».

6 января 1918 г.

Х. МОЛИТВА О ГОРОДЕ.

(Θеодосия—весной 1918 г.)

С. А. Толузакову

**И скуден и неукрашен
Мой древний град
В венце Генуэзских башен,
В тени аркад;
Среди иссякших фонтанов,
Хранящих герб
То дождей, то крымских ханов:
Звезду и серп;
Под сенью тощих акаций
И тополей,
Средь пыльных галлюцинаций
Седых камней,
В стенах церквей и мечетей
Давно храня
Глухой перегар столетий
И вкус огня;
А в складках холмов охряных —
Великий сон:
Могильники безымянных
Степных племен;
А дальше — зыбь горизонта
И пенный вал
Негостеприимного Понта
У желтых скал.**

**Войны, мятежей, свободы
Дул ураган;**

В сраженьях гибли народы
Далеких стран;
Шатался и пал великий
Имперский стол,
Росли, приближаясь, клики
Взметенных толп
Суда бороздили воды,
И борт о борт
Заржавленные пароходы
Врывались в порт.
На берег сбегали люди,
Был слышен треск
Винтовок и гул орудий,
И крик, и плеск,
Выламывали ворота,
Вели сквозь строй,
Расстреливали кого то
Перед зарей.

Блуждая по перекресткам,
Я жил и гас
В безумьи и в блеске жестком,
Враждебных глаз;
Их горечь, их злость, их муку,
Их гнев, их страсть,
И каждый курок, и руку
Хотел заковать.
Мой город, залитый кровью
Внезапных битв,
Покроить своей любовью,
Кольцом молитв,
Собрать тоску и огонь их
И вознести
На распростертых ладонях:
Пойми... прости!

2 июня 1918 г.
Коктебель

ХІ РОДИНА

„Каждый побрел в свою сторону
И никто не спасет тебя“.
(Слова Исайи, открывшиеся,
в ночь на 1918 г.)

И каждый прочь побрел вздыхая,
К твоим призывам глух и нем,
И ты лежишь в крови, нагая,
Изранена, изнемогая,
И не защищена никем,
Еще томит, не покидая,
Сквозь жаркий бред и сон — твоя
Мечта в страданиях изжитая
И неосуществленная...
Еще безумит хмель свободы
Твои взметенные народы
И не окончена борьба, —
Но ты уж знаешь в просветленьи,
Что правда Славы — в смиреньи,
В непротивлении раба;

Что иску́с дан тебе суровый:
Благославить свои оковы,
В темнице простираясь ниц,
И части воспринять Христовой
От грешников и от блудниц;

Что, как молитвенные дымы,
Темны и неисповедимы
Твои последние пути,
Что не допустят с них сойти
Сторожевые Херувимы!

30 мая 1918 г.

П Л А М Е Н Н И К И П А Р И Ж А

I. ГОЛОВА MADAME DE LAMBALLE

(4 сент. 1792 г.)

Это гибкое, страстное тело
Растоптала ногами толпа мне.
И над ним надругалась, раздела...
И на тело
Не смела
Взглянуть я...
Но меня отрубили от тела,
Бросив лоскутья
Воспаленного мяса на камне...

И парижская голь
Унесла меня в уличной давке.
Кто то пил в кабаке алкоголь,
Меня бросив на мокром прилавке...
Куафер меня поднял с земли,
Расчесал мои светлые кудри,
Нарумянил он щеки мои,
И напудрил...

И тогда вся избита, изранена
Грязной рукой,
Как на бал завита, нарумянена,
Я на пике взвилась над толпой
Хмельным тирсом...
Неслась вакханалия
Пел в священном безумьи народ...
И казалось на бале, в Версале я —
Плавный танец кружит и несет...

Точно пламя гудели напевы.
И тюремною узкою лестницей
В башню Тампля к окну Королевы
Поднялась я народною вестницей.

1906. Паржи

II. ДВЕ СТУПЕНИ

Марине Цветаевой

I. ВЗЯТИЕ БАСТИЛИИ

(14 июля)

„14 juillet 1789—Riens“.
Journal de Louis XVI.

Бурлит Сент-Антуан. Шумит Пале-Рояль.
В ушах звенит призыв Камиля Демулена.
Народный гнев растет, взметаясь ввысь как пена.
Стреляют. Бьют в набат. В дыму сверкает сталь.

Бастилия взята. Предмесья торжествуют.
На пиках головы Бертье и де-Лоней.
И победители, расчистив от камней
Площадку, ставят столб и надпись:

«Здесь танцуют»

Король охотился с утра в лесах Марли.
Борзые подняли оленя. Но пришли
Известья, что мятеж в Париже. Помешали...

Сорвали даром лов. К чему? Из-за чего?
Не в духе лег. Не спал. И записал в журнале:
«Четыр-надца-того и-юля. Ничего».

II. БОНАПАРТ

(10 августа 1792 г.)

„Je me manque deux batferies pour
balayer toute cette canaille la“
(Мемуары Бурьенна.
Слова Бонапарта)

Париж в огне. Король низложен с трона.
Швейцарцы перерезаны. Народ
Изверился в вождях, казнит и жжет.
И Лафайет об'явлен вне закона.

Марат в бреду и страшен, как Горгона.
Невидим Робеспьер. Жиронда ждет.
В садах у Тюильри водоворот
Взметенных толп и львиный зев Дантона.
А офицер, незнаемый никем,
Глядит с презрением — холоден и нем —
На буйных толп бессмысленную толочь,

И слушая их изступленный вой,
Досадует, что нету под рукой
Двух баттарей «рассеять эту сволочь».

21 ноября 1917 г

III. ТЕРМИДОР

1.

Катрин Тео во власти прорицаний.
У двери гость — закутан до бровей.
Звучат слова: «Верховный жрец закланий,
Весь в голубом, придет, как Моисей,

Чтоб возвестить толпе, смирив стихию,
Что есть Господь! Он — избранный судьбой,
И, в бездну пав, замкнет ее собой...
Приветствуйте кровавого Мессию!
Са Агнец бурь! Спасая и губя,
Он кровь народа примет на себя.
Един Господь царей и царства весит!
Мир жаждет жертв, великим гневом пьян.
Тяжел Король... И что уравновесит
Его главу? — Твоя, Максимильян!»

2.

Разгар Террора. Зной палит и жжет.
Деревья сохнут. Бесятся от жажды
Животные. Конвент в смятении. Каждый
Невольно мыслит: Завтра мой черед.

Казнят по сотне в сутки. Город замер
И задыхается. Предместья ждут
Повальных язв. На кладбищах гниют
Тела казненных. В тюрьмах нету камер.

Пока судьбы кренится колесо,
В Монморанси, где веет тень Руссо,
С цветком в руке уединенно бродит,

Готовя речь о пользе строгих мер,
Верховный жрец — Мессия — Робеспьер —
Шлифует стиль и тусклый лоск наводит.

3.

Париж в бреду. Конвент кипит, как ад.
Тюрьо звонит. Сен-Жюста прерывают.
Кровь вопиет. Казненные зывают.
Мстят мертвецы. Могилы говорят.

Вокруг Леба, Сен-Жюста и Кутона
Вскипает гнев, грозя их затопить.
Встал Робеспьер. Он хочет говорить.
Ему кричат: «Вас душит кровь Дантона!»

Еще судьбы неясен вещий лет.
За них Париж, коммуны и народ —
Лишь кликнуть клич и встанут исполины.

Воззвание написано, но он
Кладет перо: да не прейдет закон!
Верховный жрец созрел для гильотины.

4.

Уж фурии танцуют карманьолю,
Пред гильотиною под'емля вой.
В последний раз подобная престолу
Она царит над буйною толпой.

**Везут останки власти и позора:
Убит Леба, больной Кутон без ног...
Один Сен-Жюст презрителен и строг.
Последняя телега Термидора.**

**И среди них на кладбище химер
Последний путь свершает Робеспьер.
К последней мессе благовестят в храме,**

**И гильотине молится народ...
Благоговейно, как ковчег с дарами,
Он голову несет на эшафот.**

1917 г. 7 дек

П У Т И Р О С С И И

І. СВЯТАЯ РУСЬ

А. М. Петровой

Суздаль да Москва не для тебя ли
По уделам землю собирали,
Да тугую золотом суму?
В рундуках приданое копили,
И тебя невестою растили
В расписном да тесном терему?

Не тебе ли на речных истоках
Плотник-Царь построил дом широко —
Окнами на пять земных морей?
Из невест красой, да силой бранной
Не была ль ты самою желанной
Для заморских княжих сыновей?

Но тебе сыздетства были любы —
По лесам глубоких скитов срубы,
По степям кочевья без дорог,
Вольныя раздолья да вериги,
Самозванцы, воры да разстриги,
Соловьинный посвист да острог.

Быть Царевой ты не захотела —
Уж такое подвернулось дело:
Враг шептал: развей да расточи,
Ты отдай казну свою богатым,
Власть — холопам, силу — супостатам
Смердам — честь, изменникам — ключи.

Поддалась лихому подговору,
Отдалась разбойнику и вору,
Подожгла посадки и хлеба,
Разорила древнее жилище,
И пошла поруганной и нищей,
И рабой последнего раба.

Я ль в тебя посмею бросить камень?
Осужу ль страстной и буйный пламень?
В грязь лицом тебе ль не поклонюсь,
След босой ноги благославляя, —
Ты — бездомная, гулящая, хмельная,
Во Христе юродивая Русь!

19 ноября 1917 г
Коктебель

II. АНГЕЛ ВРЕМЕН

В. Л. Рюминой

Держа в руке живой и влажный шар,
Клубящийся и дышащий, как пар,
Лоснящийся здесь зеленью, там костью,
Струящийся, как жидкий хрисолит,
Он говорил, указывая тростью:

Пойми земли меняющийся вид:
Материков живые сочетанья,
Их органы, их формы, их названья
Водами Океана рождены.
И вот она — подобная кораллу.
Приросшая к Кавказу и к Уралу,
Земля морей и полуостровов,
Здесь вздутая, там сдавленная узко,
В парче лесов и в панцире хребтов
Жемчужница огромного моллюска,
Атлантикой рожденная из пен —
Опаснейшая из морских сирен.
Страстей ее горячие сплетенья
Мерцают звездами на токах вод —
Извилистых и сложных, как растенья.
Она водами дышит и живет.
Ее провидели в лучистой сфере
Блудницею, сидящею на звере,
На водах многих с чашею в руке
И дёзушкой, лежащей на быке.

Полярным льдам уста ее открыты,

У пояса, среди сапфирных влаг,
Как пчельный рой у чресел Афродиты
Раскинул острова Архипелаг.
Сюда ведут страстных желаний тропы,
Здесь матерные органы Европы,
Здесь, жгучие дрожанья затая, —
В глубоких влуминах укрытая стихия,
Чувствовалище и похотник ея, —
Безумила народы Византия.

И здесь, как муж, поял ее Ислам:
Воль Азии вершитель и предстатель —
Сквозь Бычий-Ход Махмут завоеватель
Проник к ея заветным берегам.
И начала и понесла во чреве
Русь — третий Рим — слепой и страстный плод:
Да зачатое в пламени и в гнев
Собой восток и запад сопряжет!

Но роковым охвачен нетерпеньем,
Все исказил неистовый Хирург,
Что кесаревым вылушил сеченьем
Незрелый плод Славянства — Петербург.
Пойми великое предназначенье
Славянством затаенного огня:
В нем брезжит солнце завтрашнего дня.
И крест его — всемирное служенье.
Двойным путем ведет его судьба —
Она и в имени его двуглава:
Пусть SCLAWUS раб, но Славия есть СЛАВА:—
Победный нимб над головой раба!
В тисках войны сейчас еще томится
Все, что живет, и все, что будет жить:
Как солнца бег нельзя предотвратить, —
Зачатое не может не родиться.
В крушеньях царств, в самосожженьях зла

**Душа народов ширилась и крепла:
России нет — она себя сожгла,
Но Славия возсветится из пепла!**

20 мая 1918 г.

III. ПРЕОСУЩЕСТВЛЕНИЕ

К. Θ. Богаевскому

„Postquam devastationem XL aut amplius dies
Roma fuit ita desolata, ut nemo ibi hominum,
nisi bestiae morarentur“.

Marcellini Commentarii

В глухую ночь шестого века,
Когда был мир и Рим простерт
Перед лицом Германских орд
И Гот теснил и грабил Грека,
И грудь земли и мрамор плит
Гудели топотом копыт,
И лишь монах, писавший «Акты
Остготских королей», следил
С высот оснеженной Соракты,
Как на равнине средь могил
Бродил огонь и клубы дыма,
И конницы взметали прах
На желтых Тибрских берегах, —
В те дни все население Рима
Тотила приказал изгнать.

И сорок дней был Рим безлюден.
Лишь зверь бродил средь улиц. Чуден
Был Вечный Град: ни огонь сглодать,
Ни варвар стены разобрать
Его чертогов не успели.
Он был велик и пуст, и дик,
Как первозданный материк.
В молчаньи вещем цепенели,

Столпившись, как безумный бред,
Его камней нагроможденья —
Все вековые отложенья
Завоеваний и побед:
Трофеи и обломки тронов,
Священный Путь, где камень стерт
Стопами медных легионов
И торжествующих когорт,
Водопроводы и аркады,
Неимоверные громады
Дворцов и ярусы колонн,
Сжимаемая и тесня друг друга,
Загромождающая небосклон
И горизонт земного круга.
И в этот безысходный час,
Когда последний свет погас
На дне молчанья и забвенья,
И дренний Рим исчез во мгле,
Свершалось преосуществленье
Всемирной власти на земле:
Орлиная разжалась лапа
И выпал мир. И принял Папа
Державу и престол воздвиг.
И новый Рим процвел — велик,
И необ'ятен, как стихия.
Так семя, дабы прорости,
Должно истлеть...

Истлей, Россия,
И царством духа расцвети!

IV. DMETRIUS—IMPERATOR

(1591—1613)

Ю. Л. Оболенской

Убиенный много и возставый
Двадцать лет со славой правил я
Отчею Московскою державой,
И години более кровавой
Не видала русская земля.

В Угличе, сжимая горсть орешков
Детской окровавленной рукой,
Я лежал, а мать, в сених замешкав,
Голосила, плача надо мной.
С перерезанным наотмашь горлом
Я лежал в могиле десять лет;
И рука Господняя простерла
Над Москвой полетье лютых бед.
Голод был, какого не видали.
Хлеб пекли из кала и мезги.
Землю ели. Бабы продавали
С человеческим мясом пироги.
Проклиная царство Годунова,
В городах без хлеба и без крова
Мерзли у набитых закровов.
И раз'ялась земная утроба,
И на зов стнящих голосов
Вышел я — замученный — из гроба.

По Руси, что ветер засвистал,
Освещал свой путь двойной луною,

Пасолнцы на небе засвечал.
Шестернею в полночь над Москвою
Мчал, бичом по маковкам хлестал.
Вихрь-витной гулял я в ратном поле,
На Московском венчаный престоле
Древним Мономаховым венцом,
С белой панной — с лебедью — с Мариной
Я — живой и мертвый, — но единый
Обручался заклтым кольцом.

Но Москва дыхнула дыхом злым —
Мертвый я лежал на месте Лобном
В черной маске с дудкою в руке,
А вокруг — вблизи и вдалеке —
Огоньки болотные горели,
Бубны били, плакали сопели,
Песни пели бесы на реке...
Не видала Русь такого сраму!
А когда свезли меня на яму,
И свалили в смрадную дыру, —
Из могилы тело выходило
И лежало цело на юру.
И река от трупа отливала,
И земля меня не принимала.
На куски разрезали, сожгли,
Пепл собрали, пушку зарядили,
С четырех застав Москвы палили
На четыре стороны земли.

Тут тогда меня уж стало много:
Я пошел из Польши, из Литвы,
Из Путивля, Астрахани, Пскова,
Из Оскола, Ливен, из Москвы...
Понапрасну в обличенье вора
Царь Василий, не стыдясь позора
Детский труп из Углича опять

Вез в Москву — народу показать,
Что бы я на Царском на призоре
Почивал в Архангельском Соборе,
Да сидела у могилы мать.

А Марина в Тушино бежала
И меня живого обнимала,
И, собрав неслыханную рать,
Подступал я вновь к Москве со славой...
А потом лежал в снегу — безглавый
В городе Калуге над Окой,
Умерщвлен татарами и Жмудью...
А Марина с обнаженной грудью,
Факелы подняв над головой,
Рыскала над мерзлою рекой,
И, кружась по-над Москвою, в гнев
Воскрешала новых мертвецов,
А меня живым несла во чреве...

И пошли на нас со всех концов,
И неслись мы парой сизых чаек
Вдоль по Волге, Каспию — на Яик, —
Тут и взяли царские стрелки
Лебеденка с Лебедью в силки.

Вся Москва собралась, что к обедне,
Как младенца — шел мне третий год —
Да казнили казнию последней
Около Серпуховских ворот.

Так, смущая Русь судьбою дивной,
Четверть века — мертвый, неизбывный —
Правил я лихой годиной бед.
И опять приду — чрез триста лет.

19 декабря 1917 г.

У. СТЕНЫКИН СУД

Н. Н. Кедрову

У великого моря Хвалынского,
Заточенный в прибрежный шихан,
Претерпевый от змия горынского,
Жду вестей из полуношных стран.
Все ль как прежде сияет — несглазена
Православных церковей лепота?
Проклинают ли Стеньку в них Разина
В воскресенье в начале поста?
Зажигают ли свечи, да сальные
В них вместо свечей восковых?
Воеводы порядки охальные
Все ль блюдут в воеводствах своих?
Благолепная, да многохрамая...
А из ней хоть святых выноси.
Что то чую приходит пора моя
Погулять по Святой по Руси.

Как бывало казацкая, дерзкая
На Царицын, Симбирск, на Хвалынь —
Гребенская, Донская, да Терская
Собиралась ватажить сарынь.
Да на первом, на струге, на «Соколе»
С любовницей—пленной княжной,
Разгулявшись, свистали да цокали,
Да неслись по-над Волгой стрелой.
Да как кликнешь сподрушных — приспешников
— «Васька-Ус, Шелудяк, да Кабан!
Вы ступайте пощупать помещиков,

Воевод да попов, да дворян.
Позаймитесь ка барскими гнездами,
Припустите к ним псов полютей!
На столбах с перекладиной гроздами
Поразвесьте собачьих детей».

Хорошо на Руси я попраздновал:
Погулял, и поел и попил,
И за все, что творил неуказного
Лютот смертию своею заплатил,
Принимали нас с честью и с ласкою,
Выходили хлеб-солью встречать,
Как в священных цепях да с опаскою
Привезли на Москву показать.
Уж по царски уважили пыткой:
Разымали мне каждый сустав
Да крестили смолой меня жидкою,
У семи хоронили застав,

И, как вынес я муку кровавую,
Да не выдал казацкую Русь,
Так за то на расправу на правую
Сам судьей на Москву ворочусь,
Рассужу, развяжу — не помилую —
Кто хлопы, кто попы, кто паны...
Так узнаете: как пред могилою,
Так пред Стенькой все люди равны.
Мне к чему царевать да насиловать,
А чтоб равен был всякому всяк —
Тут пойдут их голубчиков миловать,
Приласкают Московских собак.
Уж попомнят, как нас по Остоженке
Шельмовали для ихних утех.
Пообрубят им рученьки-ноженьки:
Пусть поползают людям на смех.
И за мною не токмо что драная

Голытьба, а казной расшибусь —
Вся великая, темная, пьяная,
Окаянная двинется Русь.
Мы устроим в стране благолепье вам,
Как восставши из мертвых с мечем,
Три Угодника — с Гришкой Отрепьевым,
Да с Емелькой придем Пугачем.

ВИДЕНИЕ ИЕЗЕКИИЛЯ

Бог наш — есть огонь поедающий. Твари
Явлен был свет на реке на Ховаре.
В буре клубящейся двигался Он —
Облак, несомый верховными силами,
Четверорукими, шестерокрылыми,
С бычьими, птичьими, человеческими,
Львиными ликами с разных сторон.

Видом они — точно угли горящие,
Ноги прямые и медью блестящие,
Лики, как свет раскаленных лампад.
И вопиющие, и говорящие,
И воззывающе к Господу: «Свят!
Свят Вседержитель!» А около разные,
Цветом похожи на камень топаз,
Вихри и диски, колеса алмазные,
Дымные ободы, полные глаз.
А над животными, легкими сводами,
Крылья простерты в высоту,
Схожие шумом с гудящими водами,
Переполюющими пустоту.
Выше же вышних, над сводом всемирным,
Тонким и синим повитым огнем,
В радужной славе, на троне, сапфирном
Огненный Облик, гремющий, как Гром.
Был я покрыт налетевшей грозой,
Бурею крыльев и вихрем колес.
Дух меня поднял с земли и вознес.
Был ко мне голос:

«Иди предо мною

**В землю мою, возвестить ей позор.
Перед лицом мой ветер пустыни,
А по стопам моим — язвы и мор.
Буду судиться с тобою я ныне!**

**Мать родила тебя ночью в полях,
Пуп не обрезала и не омыла,
И не осолила и не повила,
Бросила дочь на поправление в прах...
Я ж тебе молвил: Живи во кровях!
Выросла смуглой и стройной, как колос,
Грудь поднялась, закурчавился волос,
И округлился, как чаша, живот...
Время любви твоей было... И вот
В полдень лежала ты в поле нагая,
И проходил и увидел тебя Я,
Край моих риз над тобою простер,
Обнял, омыл твою кровь и с тех пор
Я сочетался с рабою моею.
Дал тебе плат, кисею на лицо,
Перстни для рук, ожерелье на шею,
На уши серьги, в ноздри кольцо,
Пояс, запястья, венец драгоценный,
И покрывала из тканей сквозных...
Стала краса твоя совершенной
В великолепных уборах моих.
Хлебом пшеничным, елеем и медом
Я ль не вскормил тебя щедрой рукой?
Дальним известна ты стала народам
Необычайною красотой.
Но упоенная славой и властью
Стала мечтать о красивых мужах,
И распалялась нечистою страстью
К изображениям на стенах.
Между соседей рождая усобья,
Стала распутной — ловка и хитра,**

Ты сотворяла мужские подоби́я, —
Знаки из золота и серебра.
Строила вышки, скликала прохожих,
И блудодеяла с ними на ложах,
На перекрестках путей и дорог,
Ноги раскидывала перед ними,
Каждый придя оголить тебя мог
И насладиться сосцами твоими.
Буду судиться с тобой до конца:
Гнев изолью, истощу свою ярость.
Семя сотру, прокляну твою старость.
От моего не укрыться лица!
Всех созову, что блудили с тобою,
Платье сорву и оставлю нагою,
И обнажу перед всеми твой срам,
Темя обрею, связавши ремнями,
В руки любовников прежних предам,
Пусть тебя бьют, побивают камнями,
Хлещут бичами нечистую плоть,
Станешь бесплодной и стоптанной нивой...
Ибо любима любовью ревнивой —
Так говорю тебе Я — твой Господь!

21 января 1918 г. Коктебель.

ПРОТОПОП АВВАКУМ

Памяти В. И. Сурикова

1

Прежде нежели родиться — было
Во граде солнечном,
В Небесном Иерусалиме:
Видел солнце, разверстое, как кладезь:
Силы небесные кругами обступили тесно —
Трижды тройным кольцом Силующие Славы:
В первом круге —
Облакам подобные и ветрам огненным;
В круге втором —
Гудящие, как вихри косматых светов;
В третьем круге —
Звениящие и светлые, как звезды;
А в недрах Славы — в свете неприступном —
Непостижима, Трисиянна, Престаяя
Подобно адаманту, вне мира сущему
И больше мира.
И слышал я:
Отец рече Сынови:
— Сотворим человека
По образу и по подобию огня небесного... —
И голос был ко мне:
«Ти подобает облачиться в человека
Тлимого,
Плоть воспрять и по земле ходить.
Поди: вочеловечься

И опаляй огнем!»

Был же я, как уголь раскаленный,
И вдруг погас,
И черен стал,
И, пеплом собственным одевшись,
Был извержен
В хлябь внешнюю.

2

Пеплом собственным одевшись, был извержен
В хлябь внешнюю:
Мое рождение было
За Кудмою-рекой
В земле Нижегородской.
Отец мой прилежаще пития хмельного,
А матери — постница, молитвенница бысть.
Аз ребенком малым видел у соседа
Скотину мертвую,
И, во ночи возставши,
Молился со слезами,
Чтоб умереть и мне.
С тех пор привык молиться по ночам.
Молод осиротел,
Был во попы поставлен.
Пришла ко мне на исповедь девица
Делу блудному повинна
И мне подробно извещала.
Я же — треокаянный врач —
Сам разболелся,
Внутри жгом огнем блудным,
Зажег я три свечи и руку
Возложив держал
Дондеже разженье злое не угасло.
А дома до полночи молясь —
Да отлучит мя Бог, —
Понеже бремя тяжело, —

В слезах забылся.
А очи сердечнии
При Волге при реке и вижу:
Плывут два корабля златые —
Все злато: и весла, и шесты, и щегла.
«Чьи корабли?» — спросил,
— «Детей твоих духовных».
А за ними третий —
Украшен не золотом, а разными пестротами:
Черно и пепельно, синю, красно и бело.
И красоты его ум человеческий вместить не может.
Я ему:
— Чей есть корабль?
А он мне:
— «Твой.
— Плыви на нем, коль миром докучаешь!»
А я, вострепетав и седше, рассуждаю:
Аз семь огонь, одетый пеплом плоти,
И тело наше без души есть кал и прах.
В небесном царствии всем золота довольно.
Нам же во хлябь изверженным
И тлеющим во прахе подобает
Страдати неослабно.
Что будет плаванье?
Помале времени, по виденному, беды
Возстали адовы и скорби, и болезни.

3

Беды возстали адовы, и скорби, и болезни:
От воевод терпел за веру много:
Ин — в церкви взяв,
Как был — с крестом и в ризах
По улице за ноги волочил,
Ин — батогами бил, топтал ногами,
И мертв лежал я до полчаса и паки оживел,
Ин — на руке персты отгрыз зубами...

В село мое пришедше скоморохи
С домрами и с бубнами,
Я ж — грешник — о Христе ревнуя, изгнал их,
Хари
И бубны изломал —
Един у многих.
Медведей двух великих отнял:
Одного ушиб — и паки ожил —
Другого отпустил на волю,
Боярин Шереметьев
К себе призвал и много избрания
Сына брадобрица велел благословить,
Я ж образ блудоносный стал обличать.
Боярин, гораздо осердясь,
Велел мя в воду кинуть.
Я ж взяв клюшку, а мати некрещенного младенца,
Побрел в Москву — царю печалиться.
А Царь меня поставил протопопом.

В те поры Никон
Яд изрыгнул.
Пишет:

«Не подобает в церкви
Метание творити на колену.

Тремя персты креститися».
Мы ж задумались, сошедшись.
Видим: быть беде!
Зима настала.
Озябло сердце.
Ноги задрожали.
И был мне голос:
«Время
Приспе страдания.
Крепитесь в вере.
Возможно Антихристу и избранным прельстити»...

Возможно Антихристу и избранным прельстити.
 Взяли мя от всемогущей, в телегу посадили,
 Распяли руки и везли
 От патриархова двора к Андронию,
 И на цепь кинули в подземную палатку.
 Сидел три дня — не ел, не пил:
 Бил на цепи поклоны —
 Не знаю — на восток, не то на запад.
 Никто ко мне не приходил,
 А токмо мыши и тараканы,
 Сверчок кричит и блох довольно,
 Ста предо мной — не вем кто —
 Ангел, аль человек, —
 И хлеба дал и штец хлебать,
 А после сгинул,
 И дверь не отворялась.
 На утро вывели:
 Журят, что Патриарху
 Не покорился.
 А я браню и лаю.
 Приволочили в церковь — волосы дерут.
 В глаза плюют,
 И за чепь торгают.
 Хотели стричь,
 Да Государь, сошедши с места сам
 Приступился к Патриарху —
 Упросил не стричь.
 И был приказ:
 Сослать меня в Сибирь с женою и детьми.

Сослали меня в Сибирь с женою и детьми.
 В те поры Пашков, землицы новой ищучи,
 Даурские народы под руку Государя приводил.
 Суров был человек — людей без толку мучит.

Много его я уговаривал,
Да в руки сам ему попал.

Плотами плыли мы Тунгузкою рекой.
На Долгом на пороге стал Пашков
С дощеника мя выбивать:
— «Для тебя де дощеник плохо ходит
— «Еретик ты:
Поди де по горам, а с казаками не ходи»
Ох, горе стало!
Высоки горы —
Дёбри непроходимые.
Утёсы, яко стены,
В горах тех — змии великие,
Орлы и кречеты, индейские куряга,
И лебеди, и бабы, и ные, птицы,
И многие гуляют звери —
Лоси и кабаны,
И волки и бараны дикие —
Видишь воочию, а взять нельзя.
На горы те мя Пашков выбивал
Там со зверьми и с птицами витати.
А я ему посланьице писал.
Начало сице:

«Человече! убойся Бога

Сидящего на херувимах и презирающего в бездныѣ
Его ж трепещут Силы небесныя и тварь земная.
Един ты презираешь и неудобство показуешь».

Многонько там написано.
Привели мя пред него, а он
Со шпагою стоит,
Дрожит.

— «Ты поп, или распоп?»

А я ему:

— Есмь протопоп.

Тебе что до меня?

А он рыкнул, как зверь, ударил по щеке,

Стал чепью бить,
А после, разболокши, стегать кнутом.
Я ж Богородице молюсь:
— «Владычица!
Уйми ты дурака того!»

Сковали и на беть бросили:
Под капелью лежал.
Как били — небольно было,
А лежа на ум взбрело:
«За что ты, Сыне Божий, попустил убить меня?
Не за твое ли дело стою?
Кто будет судьей меж мною и Тобой?»
Увы мне! будто добрый,
А сам, что фарисей с навозной рожей —
С Владыкою судиться захотел.
Есмь кал и гной.
Мне подобает жить с собаками и свиньями:
Воняем —
Оне по естеству, а я душой и телом.

6

Воняем: одни по естеству, а я душой и телом.
В студеной башне скованный сидел всю зиму.
Бог грел без платья:
Что собачка на солошке лежу.
Когда покормят, когда и нет.
Мышей там много — скуфьею бил,
А батожна не дали дурачки.
Спина гнила. Лежал на брюхе.
Хотел кричать уж Пашкову: Прости!
Да велено терпеть.
Потом два лета бродили по водам.
Зимой чрез волокы по снегу волоклись.
Есть стало нечего.
Начали люди с голоду мереть.

Река мелка.
Плоты тяжелы.
Палки суковаты.
Кнутья остры.
Жестоки пытки.
Приставы немилостивы.
А люди голодные:
Огонь да встряска —
Лишь станут мучать,
А он помрет,
Сосну варили, ели падаль.
Что волк не с'ест — ды доедим.
Волков и лис озяблых ели.
Кобыла жеребится — голодные же втай
И жеребенка и место скверное кобылье —
Все с'едят.
И сам я — грешник — неволею причастник
Кобыльим и мертвечьим мясам.
Ох времени тому!
Как по реке по Нерчи
Да по льду голому брели мы пеши —
Страна немирная, отстать не смеем,
А за лошадьми не поспеть.
Протопопица бредет, бредет
Да и повалится.
Ин томный человек набрел,
И оба повалились:
Кричат, а встать не могут.
Мужик кричит:
 «Прости мол матушка!»
А протопопица:
 «Чего ты, батько,
Меня то задавил?»
Приду — она пеняет:
«Долго-ль муки сей нам будет, протопоп?»
А я ей:
«Марковна, до самой смерти».
Она ж вздохня ответила:

**«Добро, Петрович.
Ии дальше побредем».**

7

**Ии дальше побредем,
И слава Богу сотворившему благая!
Курочка у нас была черненька.
Весь круглый год по два яичка в день
Робяти приносила.
Сто рублей при ней — то дело плюноео.
Одушевленное творенье Божье!
Нас кормила и сама сосновой каши
Тут клевала из котла,
А рыбка прилучится — так и рыбку.
На карте везучи в те поры задавили
Ее мы по грехам.
Не просто она досталась нам:
У Пашковой снохи боярыни
Все куры переслепли. —
Она ко мне пришла,
Чтоб я о курах помолился.
Я думаю — заступница есть наша
И детки есть у ней.
Молебен пел, кадил,
Куров кропил, корыто делал,
Водой святил, да все ей отослал.
Курки исцелели —
И наша курочка от племени того.
Да полно говорить то:
У Христа так повелось издавна —
Богу все надобно: и птичка и скотинка —
Ему во славу, человека ради.**

8

**Во славу Бога, человека ради
Творится все.**

С Мунгальским царством воевати
Пашков сына Еремея посылал,
И заставляя волхва, язычника шаманить и гадать,
А тот мужик близ моего зимовья
Привел барана вечером
И волхвовать учал:
Вертел им много
И голову прочь отвертел.
Зачал скакать, плясать, и бесов призывать
И, много покричав, о землю ударился
И пена изо рта пошла.
Бесы давят его, а он их спрашивает:
«Удастся ли поход?»

«С победою великой
И богатством назад придут».
А воеводы рады: богатыми вернемся.
Я ж в хлевине своей взываю с воплем:
«Послушай меня, Боже!
Устрой им гроб! Погибель наведи!
Да ни один домой не воротится!
Да не будет по слову дьявольскому!»
Громко кричу, чтоб слышали...
И жаль мне их: душа то чувствует,
Что им побитым быти,
А сам на них погибели молю.
Прощаются со мной, а я им:

— Погибнете!

Как выехали ночью —
Лошади заржали, овцы и козы заблеяли,
Коровы заревели, собаки взвыли,
Сами иноземцы завывали, что собаки:
Ужас
На всех напал.
А Еремей слезами просит, чтобы
Помолился я за него.
Был друг мой тайной —
Перед отцем заступник мой.
Жалко было: стал докучать Владыке,

Чтоб пощадил его.
Учали ждать с войны, и сроки все прошли.
В те поры Пашков
Застенок учредил и огонь расклал:
Хочет меня пытаться.
А я к исходу душевному молитвы прочитал:
Стряпня знакома —
После огня того живут не долго.
Два палача пришли за мной...
И чудно дело:
Еремой сам — друг дорожкой сдет — ранен.
Все войско у него побили без остатку,
А сам едва ушел.
А Пашков, как есть пьяной с кручины,
Очи на мя возвел, --
Словно медведь морской, белой —
Жива бы проглотил, да Бог не выдал.
Так десять лет меня он мучал.
Аль я его? Не знаю.
Бог разберет в день века.

9.

Бог разберет в день века.
Грамота пришла — в Москву мне ехать.
Три года ехали по рекам да лесам.
Горы каких не видано:
Врата, столпы, палатки, повалушки —
Все богаделанно.
На море на Байкале —
Цветенья благовенные и травы,
И птиц гораздо много: гуси да лебеди
По водам точно снег.
А рыбы в нем: и осетры и таймени,
И смули, и нерпы, и заиды великие.
И все то у Христа для человека наделано.
Его же дние в суете, как тень, проходят:

Он скачет, что козел,
 С'есть хочет яко змий,
 Лукавствует, как бес,
 И гневен, як рысь.
 Раздуется, что твой пузырь,
 Ржет, как жребя, на красоту чужую,
 Отлагает покаяние на старость,
 А после исчезает,
 Простите мне, Никонианцы, что избранил вас,
 Живите, как хотите.
 Аз паче всех есмь грешен,
 По весям еду, а в духе ликование,
 А в русски грады приплыл —
 Узнал о церкви — ничто не успевает,
 И опечалюсь, седше, разсуждаю:
 «Что сотворю: поведаю ли слово Божие,
 Аль скроюсь?
 Жена и дети меня связали...»
 А протопопица меня печальна видя,
 Приступил ко мне с опрятством и рече ми:
 «Что, господине, опечалился?»
 А я ей:
 «Что сотворю, жена?
 Зима ведь на дворе.
 Молчать мне аль учить?
 Связали вы меня...!»
 Она же мне:
 «Что ты, Петрович?
 Аз тя с детьми благословляю:
 Проповедай по прежнему.
 О нас же не тужи.
 Силен Христос и не покинет нас.
 Поди, поди, Петрович, обличай блудню их
 Еретическую»...

Да, обличай блудню их еретическую...

А на Москву приехал —
Государь, бояра — все мне рады:
Как ангела приветствуют.
Государь меня к руке поставил:
— «Здорово, протопоп, живешь?
Еще де свидеться Бог повелел».
А я, супротив руку ему поцеловавши:
— «Жив, говорю, Господь, жива душа моя,
А впредь что Бог прикажет».
Он же миленькой вздохнул да и пошел
Где надобе ему.
В подворье на Кремле велел меня поставить
Да проходя сам кланялся низенько:
— Благослови меня де, и помолись о мне.
И шапку в иную пору — мурманку снимаючи
Уронит с головы.
А все бояра — челом мне да челом.
Как мне царя того, бояр тех не жалеть?
Звали все, чтоб в вере соединился с ними.
Да видят — не хочу, — так Государь велел
Уговорить меня, чтоб я молчал.
Так я его потешил —
Царь есть от Бога учинен и до меня добренек,
Пожаловал мне десять рублей,
Царица тоже,
А Федор Ртищев — дружище наше старое —
Тот шестьдесят рублей
Велел мне в шапку положить.
Всяк тащит да несет.
У Федосьи Прокофьевны Морозовы
И днюю и ночью —
Понеже дочь моя духовная.
Да к Ртищеву хожу
С отступниками спорить.

К Ртищеву ходил с отступниками спорить.

Вернулся раз домой зело печален,
Понеже много шумел в этот день.
А в доме у меня случилось неустройство:
Протопопица моя с вдовою домочадицей Фетиньей
Псвздорила.

А я пришел обеих бил и оскорбил гораздо.
Тут бес вздивьял в Филипе.
Филип был бешеной — к стене прикован:
Жесток в нем бес сидел,
Да вовсе кроток стал молитвами моими,
А тут вдруг зачал цепь ломать —
На всех домашних ужас нападе.
Меня не слушает, да как ухватит —
И стал як паучину меня терзать,
А сам кричит:

«Попал мне в руки!»

Молитву говорю — не пользует молитва.
Так горько стало: бес надо мною волю взял.
Вижу — грешен: пусть бьет меня.
Маленько полежал и с совестью собрался.
Восставь, жену сыскал и земно кланялся;

«Прости меня, Настасья Марковна!»

Посем с Фетиньей такоже простился,
На землю лег и каждому велел
Меня бить плетью по спине,
По окаянной.

А человек там было двадцать.
Жена и дети — все плачучи стегали.
А я ко всякому удару по молитве.
Когда же все отбили —
Бес, увидев ту неминуемую беду,
Вон из Филипа вышел.

А в тонцем сне возвещено мне было:

— «По стольком по страданьи угаснуть хочешь?

Блюдися от меня — не то растерзан будешь».
Сам вижу: церковное ничто не успеваает,
И паки заворчал,

Да написал Царю посланьице,
Чтоб он Святую Церковь от ереси оборонил.

12

Посланьице Царю, чтоб он Святую Церковь
От ереси оборонил:

— Царь-Государь, наш свет!

Твой богомolec в Даурех мученой
Бьет тебе челом.
Во многих живучи смертях,
Из многих заключений восставши, как из гроба,
Я чаял дома тишину найти,
Я вижу церковь смущенну паче прежняго.
Угасли древние лампы,
Замутился Рим и пал Царьград,
Лутари, Гусяти и Колвинцы
Тело Церкви честное раздирали,
В Галлии земле вечерней.
В граде во Парисе,
В училище Собсоном
Блазнились прелестью, что зрит на круг небесный.
Достигши разумом небесной тверди
И звездные теченья разумея.
— Только Русь, облистанная светом
Благости цвела как вертоград,
Паче мудрости любя простыню.
Как на небе грозди светлых звезд
По лицу Руси сияли храмы,
Города стояли на мощах
Да Москва пылала светом веры.
А нынче вижу: ересь на Москву пришла —
Нарядна — в царской багряннице ездит,
Из чаши подчуёт;
И царство Римское и Польское
И многие другие реши упоила
Да и на Русь приехала.
Церковь — православна,

А догматы церковны — от Никона сретика.
Многие его боятся — Никона,
Да на Бога уповая, — я не боюсь его,
Понеже мерзок он пред Богом — Никон.
Задумал адов пес:
— «Арсен, печатай книги — как нибудь,
Да только не по старому».
Так су и сделал.
Ты ж простой души своей
От внутреннего волка книги приял,
Их чая православными.
Никонианский дух — Антихристов еста дух!

Как до нас положено отцами —
Так лежи оно во век веков!
Горе нам! Едина точка
Смущает богословию,
Единой буквой ересь вводится.
Не токмо лишь святые книги изменили,
Но вещи и пословицы, обычаи и ризы:
Исуса бо глаголят Иисусом,
Николу Чудотворца — Николзём,
Спасов образ пишут:
Лицо — одутловато,
Уста — червонные, власы — кудрявы,
Брюхат и толст, как немчин учинен —
Только сабли при бедре не писано,
Еще злохитрый Дьявол
Из бездны вывел — мнихи:
Имеющие образ любодейный,
Подклейки женския и клобуки рогагы;
Расчешут волосы, что б бабы их любили,
По титькам препояшутся, что женка брюхатая —
Ребенка в брюхе не извредить бы;
А в брюхе у него не меньше ребенка бабьяго
Накладено еды той:
Мигдальных ягод, ренскова,
И романей и водок, процеженных вином.

Не челобитьем тебе реку,
Не похвалой глаголю,
А истину несу:
Некому тебе ведь извещать,
Как строится твоя держава.
Вам яко скорбно от доуки нашей,
Тебе, о Государь!
Да нам не сладко,
Когда лсмают ребра, кнутьем мучат
Да жгут огнем, да голодом томят.
Ведаю я разум твой:
Умеешь говорить ты языками многими.
Да что в том прибыли?
Ведь ты, Михайлович, русак — не грек:
Вздосхни ка ты по старому — по русски:
— «Господи, помилуй мя грешного!»
А КИРИЕ-ЕЛЕЙСОН ты оставь.
Возьми ка ты, никониан, латынников, жидов
Да пережги их — псов паршивых,
А нас природных — своих то распусти —
И будет хорошо.
Царь христианской, миленькой ты наш!

13

Царь христианской, миленькой то наш
Стал на меня с тех пор кручиновати.
Не любо колы молчу,
Да мне так не сошлось.
А власти, что козлы, — все пырскать стали.
Был от Царя мне выговор:
— «Поедь де в ссылку снова».
Учали вновь возить
По тюрьмам да по монастырям.
А сами просят:
«Долго-ль мучать нас тебе?
Соединись ка с нами, Аввакумушка!»
А я их — зверей пестрообразных обличаю,

Да вере истинной народ учу.
Опять в Москву свезли, —
В соборном храме стригли:
Обгрызли, что собаки, и бороду обрезали,
Да бросили в тюрьму.
Потом приволокли.
На суд Вселенских Патриархов.
И наши тут же — сидят, что лисы.
Говорят: — «Упряма ты:
Вся де Палестина, и Сербия, и Албанцы, и Волохи,
И Римляне, и Ляхи, — все крестятся тремя перстами.»
А я им:

— «Учители вселенстии!

Рим давно упал и Ляхи с ним погибли.
У вас же православие пестро
С насилия турецкого
Впредь сами к нам учиться приезжайте!»
Тут наши все завывали, что волчата —
Бить бросились...
И Патриархи с ними:
Великое Антихристово войско!
А я им:

— «Убивши человека

Как литургисать будете?»
Они и сели.
Я ж отошел к дверям, да на бок повалился:
Вы посидите, а я мол полежу.
Они смеются:
Дурак де протопоп — не почитает Патриархов.
А я их словами Апостола:
— «Мы ведь — уроды Христа ради:
Вы славны, мы — бесчестны,
Вы сильны, мы же — немощны».

Вы — сильны, мы же — немощны.
Боярыню Морозову с сестрой —

Княгиней Урусовой — детей моих духовных
Разорили и в Боровске в темницу закопали.
Ту с мужем развели, у этой сына уморили.
Өедосья Прокофьевна, боярыня, увы!
Твой сын плотской, а мой духовный,
Как знак посечен:
Уж некого тебе погладить по головке,
Ни четками в науку постегать,
Ни посмотреть как на лошадке ездит.
Да ты не больно кручинься то:
Христос добро изволил,
Мы сами то не веь как доберемься,
А они на небе у Христа ликовствують
С Өедором — с удувлённым моим.
Өедор то — юродивый покойник
Пять лет в одной рубахе на морозе
И гол и бос ходил.
Как из Сибири ехал — ко мне пришёл.
Псалтырь печатей новых был у него —
Не знал о новизнах.
А как сказал ему в печь бросил книгу.
У Өедора зело был подвиг крепок;
Весь день юродствует, а ночью на молитве.
В Москве, как вместе жили, —
Неможеться, лежу, — а он стыдит:
— «Долго-ль лежать тебе? И как сорома нет?
Встань миленькой!»
Вытащит, посадит, прикажет молитвы говорить,
А сам то бьет поклоны за меня.
То-то был мне друг сердечный!
Хорош и Афанасьюшка — другой мой сын духовный
Да в подвиге маленько покороче.
Отступники его на углях испекли:
Что сладок хлеб принесся Пречистой Троице!
Ивана — князя Хованского избили батогами
И, как Исаию, огнем сожгли.
Двоих родных сынов — Ивана и Прочофья
Говесить приказали;

Они ж не догадались
Венцов победных ухватить,
Сплошали — повинились.
Так вместе с матерью их в змлю закопали —
Вот вам — без смерти смерть.
У Лазаря священника отсекли руку,
А она то-отсечена и лежа на земле
Сама сложила пальцы двухперстнем
Чудно сие:
Бездушная одушевленных обличает.
У схимника — у старца Елифания
Язык отрезали.
Ему ж Пречистая в уста вложила новый:
Бог — старый чудотворец —
Допустит пострадать и паки исцелит.
И прочих наших на Москве пекли и жарили,
Чудно! Огнем, кнутом да виселицей
Веру желают утвердить.
Которые учили так — не знаю.
А мой Христос не так велел учить.
Выпросил у Бога светлую Россию сатана —
Да очервленит — ю
Кровью мученической.
Добро ты, Дьявол, выдумал —
И нам то любо:
Ради Христа страданьем пострадати.

15

Ради Христа страданьем пострадати
Мне судил еще Господь:
Царица стояла за меня — от казки отпросила.
Так, братию казня, меня ж не тронув
Сослали в Пустозерье
И в срубе там под землю закопали:
Как есть мертвец —
Живой похороненный.

Было на страстной со мною чудо:
Распространился мой язык
И был зело велик
И зубы тоже,
Потом стал весь широк —
По всей земле под небесем пространен,
А после небо, землю и тварей всех
Господь в меня вместил.
Не диво ли: в темницу заключен,
А мне Господь и небо и землю покорил?
Есмь мал и наг,
А более вселенной.
Есмь кал и грязь,
А сам горю, как солнце.
Э, милые, да если б Богу угодно было
Душу у каждого разоблачить от пепела,
Так вся земля растаяла б,
Что воск, в единую минуту.
Задумали добро:
Двенадцать лет
Закопанным в земле меня держали;
Думали погасну,
А я молитвами да бденьями свечу
На весь крещеный мир.
От света земного заперли,
Да свет небесный замкнуть не догадались.

Двенадцать лет не видел я ни солнца,
Ни неба синяго, ни снега, ни деревьев, —
А вывели казнить:
Смотрю, дивлюсь:
Черно и пепельно, сине, красно и бело,
И красоты той
Ум человеческий вместить не может!

Построен сруб — соломою накладен:
Корабль мой огненный —
На родину мне ехать.

Как стал ногой —
Почуял: вот отчаю!
И ждать не стал —
Сам подпалил свечей.
Святая Троице! Христос мой миленькой!
Обратно к Вам в Иерусалим небесный!
Родясь — погас,
Да снова разгорелся!

19 мая 1918 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	Стр.
Демоны глухонемые	7
I. АНГЕЛ МЩЕНЬЯ:	
Предвестия	11
Ангел мщенья	12
Россия	14
Москва	16
Петроград	17
Трихины	18
Мир	19
Из бездны	20
Русь глухонемая	21
Молитва о Городе	22
Родина	24
II. ПЛАМЕННИКИ ПАРИЖА:	
Голова Мадам де Ламбаль (2 сентября 1792) . .	26
Две ступени:	
а) Взятие Бастилии (14 июля 1789). . .	28
б) Бонапарт (10 августа 1792).	28
Термидор:	
1. Катрин Тео	30
2. Разгар террора	30
3. Париж в бреду	31
4. Фурни	31

III. ПУТИ РОССИИ:

Святая Русь	35
Ангел времен	37
Преосуществление	40
Дмитрий-Император	42
Стенькин суд	45
Видение Иезекииля	48

ПРОТОПОП АВВАКУМ:

Прежде нежели родиться.	51
Пеплом собственным одевшись был извержен .	52
Беды восстали адовы	53
Возможно Антихристу	55
Сослали меня в Сибирь	55
Воняем: одни по естеству, а я душой и телом .	57
Ин дальше побредем	59
Во славу Бога, человека ради.	59
Бог разберет в день века	61
Обличай их блудную еретическую	62
К Ртищеву ходил с отступниками спорить . . .	63
Посланице Царю , , . . .	65
Царь християнской, миленький ты наш	67
Вы сильны, а мы немощны.	68
Ради Христа страданьем пострадати	70

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО П И С А Т Е Л Е Й В БЕРЛИНЕ

BUCHVERLAG DER SCHRIFTSTELLER

G. m. b. H.

BERLIN, S. 42, RITTERSTRASSE 22.

Альманах новейшей литературы „Молодая Россия“ под редакцией А. Н. Толстого (повести и рассказы Конт. Федина, Глеба Алексеева, Ник. Никитина, Бориса Пильняка, Вал. Катаева, Вл. Лидина, А. Перегудова, М. Слонимского, А. Дроздова, А. Яковлева и др.) (печатается)

Глеб Алексеев — Мертвый бег — Повесть зарубежных лет 1.50

Глеб Алексеев — Чаша Св. Девы (печатается)

Давид Бурлюк — Беременный мужчина (печатается)

Максимилиан Волошин — Стихи о терроре 3.20

Максимилиан Волошин — Демоны глухонемые 3.20

Борис Грифцов — Бесплезные воспоминания | пов 5.50

Александр Дроздов — Антонов огонь — роман 4.00

Александр Дроздов — На второй день — роман (печат.)

Всеволод Иванов — Голубые пески — роман 7.00

Всеволод Иванов — Возвращение Будды — повесть 3.20

Всеволод Иванов — Цветные ветра — повесть (печатается)

Юр. Ключников — Единый куст — пьеса 4.00

Валентин Катаев — Сэр Генри и чорт (печатается)

Вл. Лидин — Шестая дверь 1.50

Г. Магнитский — Тройные рассказы 2.50

Ив. Новиков — Душка — повесть 3.50

Ник. Никитин — Русские ночи — повесть (печатается)

„Одиссея“ — Зарубежный сборник (Повести и рассказы из жизни эмиграции А. Н. Толстого, Савватия, Глеба Алексеева,

Вл. Лидина, А. Дроздова, О. Савича и Г. Магнитского) 2.50

Борис Пильняк — Черный хлеб — повесть (печатается)

А. С. Пушкин — Table Talk (Рассказы за столом) 2.40

Потаенная тетрадь А. С. Пушкина 2.40

Вл. Пиотровский — Полюнь и звезды — лирика 1.90

Александр Перегудов — Глухомань (печатается)

Певцы Человеческого — Хрестоматия немецкого экспрессионизма 2.00

Сергей Рафалович — Марк Антоний — пьеса 2.40

Савватий — Семья Задорогих — роман 4.00

Юр. Слезкин — Голуби — повесть (печат.)

М. Слонимский — Шестой стрелковый (печатается)

А. Тыкоцкий — На распутье — лирика (печат.)

Конст. Федин — Анна Тимофевна — повесть (печат.)

Александр Яковлев — Повольники — повесть 6.00

Евг. Шкляр — Вечерняя степь — Четвертая книга стих. 2.40

**COPYRIGHT "FLEGON PRESS" 1965,
24 Chancery Lane,
London, W.C.2.**